

«НЕЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЕ ЗВУКИ» ФЕНОМЕНОЛОГИИ: ВИТГЕНШТЕЙН И ТЕЗИС «НИЧТО НИЧТОЖИТ»

ГЕОРГИЙ ЧЕРНАВИН

Доктор философии (PhD), доцент.

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Школа философии.

105066 Москва, Россия.

E-mail: gchernavin@hse.ru

В статье разбирается предложенная Витгенштейном интерпретация хайдеггеровского тезиса «ничто ничтожит». Слова феноменологов, в его толковании, представляют собой «нечленораздельные звуки». Рассматривается парадоксальная ситуация, состоящая в том, что тезисы феноменологической философии (в данном случае экзистенциальной феноменологии), перенесенные на поле философии языка, теряют свой смысл, превращаются в «нечленораздельные звуки». Как возможно взаимное понимание, если в ходе философской дискуссии слова (одного из собеседников или каждого из них) превращаются в нечленораздельные звуки? Тем не менее, несмотря на предполагаемую «невразумительность» феноменологических выражений, Витгенштейн стремится «отдать должное» Хайдеггеру и ищет в своей философии аналогичные мотивы. Главным из таких мотивов оказывается мотив философского беспокойства. Витгенштейн перебирает варианты того, как следует понимать «ничто ничтожит», причем даже не столько, что этим хотел сказать Хайдеггер, а почему он хотел это сказать. Что может заставить философа высказать тавтологию? Симптомом чего выступает это странное словосочетание? Что оно замещает, вытесняет? Что у него болит, если у него такое странное речевое поведение? Первая гипотеза Витгенштейна состоит в том, что автор высказывания «ничто ничтожит» хочет избавиться от философского беспокойства. Это собственный мотив Витгенштейна — смутное интеллектуальное беспокойство, «ментальная судорога», «волос на языке» от которого необходимо избавиться. Затем Витгенштейн (вполне в духе Карнапа) размышляет о том, что от словосочетания «ничто ничтожит», можно избавиться, введя такую систему записи, в которой это предложение нельзя записать. Витгенштейн считает, что беспокойство уйдёт вместе с несчастливым выражением и пытается лечить «больной» глагол «ничтожить», поочерёдно прикладывая к нему метафоры разного рода: ландшафтно-морскую, механическую, архитектурную, декоративную, дидактическую, наконец — пищеварительную. Как ни странно, именно отсюда (от метафоры боли в желудке) Витгенштейн делает шаг к меткому замечанию о том, что «слова феноменологов представляют собой нечленораздельные звуки».

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, аналитическая философия, феноменология, проблема феноменологического языка, экзистенциальный опыт, философское беспокойство.

© GEORGY CHERNAVIN, 2019

“INARTICULATE SOUNDS” OF PHENOMENOLOGY: WITTGENSTEIN AND THE THESIS “NOTHING NOTHS”

GEORGY CHERNAVIN

PhD in Philosophy, Assistant Professor.

National Research University Higher School of Economics, School of Philosophy.

105066 Moscow, Russia.

E-mail: gchernavin@hse.ru

The article deals with Wittgenstein's interpretation of the Heideggerian thesis “the nothing noths.” The phenomenological utterances are, according to him, “unarticulated sounds.” We discuss the following unsettling situation: theses of phenomenological philosophy (in this case of existential phenomenology), transferred to the field of philosophy of language, lose their meaning, turn into “incompetent sounds.” How is mutual understanding possible if, in the course of a philosophical discussion, the words (coming from one of the interlocutors or from both of them) turn into unarticulated sounds? Nevertheless, despite the alleged “incomprehensibility” of phenomenological expressions, Wittgenstein wants to “pay tribute” to Heidegger and he is looking for similar motives in his own philosophy. The most important of these motives is the one of philosophical disquiet. Wittgenstein goes through the options of how to understand “the nothing noths,” not so much questioning what Heidegger wanted to say, but rather why he wanted to say it. What can make a philosopher utter a tautology? Is this strange phrase the symptom of something else? What does it replace, displace? What hurts a philosopher, if he has such a strange verbal behavior? The first hypothesis of Wittgenstein is that the author of the statement “the nothing noths” wants to get rid of a philosophical disquiet. This is Wittgenstein's own motive—an indistinct intellectual disquiet, a “mental cramp,” a “hair on the tongue” from which it is necessary to get rid of. Then Wittgenstein (quite in the spirit of Carnap) reflects on the fact that the phrase “the nothing noths” can be eliminated by introducing a notation in which this sentence cannot be written. Wittgenstein believes that the disquiet will go away with this unhappy sentence and tries to treat the “sick” verb “to noth” applying to it various metaphors: a landscape or a maritime metaphor, a mechanical, an architectural, a decorative, a didactic and, finally—a digestive one. Oddly enough, it is from here (from the metaphor of stomach pain) that Wittgenstein takes a step toward the apt remark that “the words of phenomenologists are inarticulate sounds.”

Key words: Wittgenstein, Heidegger, analytic philosophy, phenomenology, problem of the phenomenological language, existential experience, philosophical disquiet.

[Такое философское рассуждение — это] нечто,
удивительно напоминающее монгольское горловое пение:
«хор, поющий без слов, сомкнув губы».

(Sekaczki, 2005, 6)

Пятнадцать лет назад в известной статье Владимир Бибихин разбирает один эпизод взаимодействия философии Людвига Витгенштейна и феноменологии (Bibikhin, 2003). Если против вопроса, заданного ему

в кантианско-гуссерлевской терминологии¹, Витгенштейн возражал «слова, конечно, придумать можно; но мне ничего не удастся под ними помыслить», то в отношении философии Хайдеггера Витгенштейн занимает гораздо более понимающую позицию, так он «вполне может помыслить то, что Хайдеггер подразумевает под бытием и ужасом»². В том же 2003 году были опубликованы заметки Витгенштейна, надиктованные Фридриху Вайсманну для передачи Морицу Шлику (Wittgenstein & Waismann, 2003). В них можно найти ещё одно более интересное пересечение, касающееся не только взаимодействие с философией Хайдеггера, но и более широкой темы (не-) возможности «феноменологического языка» (Inwood, 1999, 271-290; Baker, 2004, 205-222; Richter, 2007, 158-185; Luchte, 2007, 241-260; Luchte 2009, 70-84; Tatjevskaya, 2009, 375-397). В какой мере возможно взаимопонимание между витгенштейнианским проектом философии и феноменологией? Возможно ли взаимодействие более продуктивное, чем взаимное недоброжелательное списание со счетов? В качестве примера такого взаимодействия я приведу витгенштейновскую интерпретацию тезиса «ничто ничтожит» (Heidegger, 2007, 34). На базе этого примера встанет вопрос о перспективах дальнейшего диалога.

В коротком тексте 1932 года, озаглавленном *О характере беспокойства*, Витгенштейн отталкивается от хайдеггеровской формулировки «ничто ничтожит» из лекции «Что такое метафизика?»:

Если мы хотим рассматривать предложение вроде «ничто ничтожит» или вопрос «что раньше, ничто или отрицание?», то, чтобы отдать ему должное, нужно спросить себя: что представлял себе автор, формулируя это предложение? Откуда он взял это предложение? (Wittgenstein & Waismann, 2003, 68)³

Откуда Витгенштейн взял эти предложения? Они перечислены на одной странице знаменитой статьи Рудольфа Карнапа 1931 года под рубрикой «мета-

¹ «Как можно возразить философу, который думает, что феноменологические высказывания суть синтетические суждения a priori?»

² «Пожалуй, я могу представить, что имеет в виду Хайдеггер под бытием и страхом. Человек имеет склонность атаковать границы языка. Подумайте, к примеру, об удивлении, что нечто существует. Удивление может не выражаться в форме вопроса, оно вовсе не имеет никакого ответа. Все, что мы в состоянии сказать, a priori может быть только бессмыслицей. Несмотря на это мы атакуем границы языка» (цит. по: Vajsmann, 1998, 54).

³ „Wenn wir einen Satz wie den ‚das Nichts nichtet‘ oder die Frage ‚was ist früher, das Nichts oder die Verneinung?‘ behandeln wollen, so fragen wir uns, um ihm gerecht zu werden: was hat dem Autor bei diesem Satz vorgeschwebt? Woher hat er diesen Satz genommen.“

физические псевдопредложения» («Имеется ничто только потому, что имеется нет, т.е. отрицание? Или наоборот? Имеется отрицание и нет только потому, что есть ничто?»; «Ничто само ничтожит»⁴) среди других, в том числе тех, которые Витгенштейн, по его словам, может понять (например, «Ужас приоткрывает ничто») (Karnap, 1993, 19; Vajsmann, 1998, 54). Судя по всему, Витгенштейн не читал инаугурационную лекцию Хайдеггера, и тем не менее стремится «отдать ему должное».

В первую очередь обращает на себя внимание стремление «отдать должное» фразе «ничто ничтожит», а не дисквалифицировать её сразу как «бессмыслицу» или «плохую поэзию», туманное «выражение чувства жизни» как поступил в статье 1931 года Карнап. Но только, с точки зрения Витгенштейна, чтобы отдать должное формулировке Хайдеггера, продуктивнее спрашивать не «что это значит?» или «что он хотел этим сказать?» (Rudnev, 2018), а «почему он это говорит?»:

Наш метод в определённом смысле похож на психоанализ. Используя его выражения можно сказать, что бессознательно действующее сравнение становится безвредным, когда мы его проговариваем. И это сравнение с [психо-]анализом можно разворачивать и дальше. (И эта аналогия точно не случайна.) (Wittgenstein & Waismann, 2003, 68-69)⁵

Я предлагаю поступить так же с текстом самого Витгенштейна и спросить: откуда возникает желание «обезвредить» метафизическую формулировку, почему она кажется чем-то опасным, беспокоящим, раздражающим? Почему философское высказывание должно рассматриваться как симптом некоторого расстройства, как навязчивая мысль, от которой нужно избавиться (Wittgenstein, 2001, 98)? Заметка Витгенштейна посвящена мотиву философского беспокойства; он пытается соотнести себя с Хайдеггером как с тем, кто, возможно, разделяет его интеллектуальное беспокойство. Как если бы он узнавал знакомую ему самому «ментальную судорогу» и хотел помочь снять

⁴ „Gibt es das Nichts nur, weil es das Nicht, d. h. die Verneinung gibt? Oder liegt es urngekehrt? Gibt es die Verneinung und das Nicht nur, weil es das Nichts gibt?“ В русском переводе статьи Карнапа (пер. А. В. Кезина) (Karnap, 1993, 18; Carnap 1930-1931, 229) „*Das Nichts selbst nichtet*“ передаётся как «Ничто само себя ничтит». Неясно откуда в этом переводе берётся вторая возвратная частица «себя».

⁵ „Unsere Methode ähnelt in gewissem Sinn der Psychoanalyse. In ihrer Ausdrucksweise könnte man sagen, das im Unbewusstsein wirkende Gleichnis wird unschädlich, wenn es ausgesprochen wird. Und dieser Vergleich mit der Analyse lässt sich noch weithin fortsetzen. (Und diese Analogie ist gewiss kein Zufall).“

её; при этом он ищет бессознательно действующее сравнение, чтобы проговорить и тем самым обезвредить его:

Тот, кто говорит о противопоставлении бытия и ничто, и о ничто как о чём-то первичном по отношению к отрицанию, тот, как я считаю, мыслит что-то вроде острова бытия, окружённого бесконечным морем ничто. То, что мы бросаем в это море, растворяется в его водах, уничтожается. Но и само ничто осуществляет бесконечное действие, сравнимое с движением морских волн. Что-то существует, что-то есть, а о нём мы говорим «оно ничтожит». В этом смысле даже покой будет характеризоваться как действие. (Wittgenstein & Waismann, 2003, 70)⁶

После сознательно проводимой аналогии с психоанализом образ острова в бескрайнем море кажется неслучайным — это характерная метафора, часто использовавшаяся для описания отношений между индивидуальным сознанием и коллективным бессознательным⁷. (Обратим внимание на то, что образ острова бытия в океане ничто не так далеко ушел от «выдвинутости *Dasein* в ничто», о которой говорит Хайдеггер. В тексте лекции эта фраза следует сразу за «ничто ничтожит», но Витгенштейн её, судя по всему, не читал.) Итак, Витгенштейн сам приводит эту географическую аналогию и сам же беспокоен её произвольностью, равно как и произвольностью любой другой мыслимой аналогии. Польза от неё не в её точности или эвристической ценности, а в избавлении от «спазма» философского беспокойства:

Но как можно показать кому-то, что вот это правильное сравнение? Это вообще нельзя показать. Но если оно избавляет этого человека от его затруднений, то значит, мы при помощи него сделали то, что мы хотели сделать. Может показаться странным, какими тривиальными средствами можно освободиться от глубокой философской обеспокоенности. (Wittgenstein & Waismann, 2003, 70)⁸

⁶ „Wer etwa von Gegensatz des Seins und des Nichts spricht und vom Nichts als etwas gegenüber der Verneinung Primärem, der denkt, glaube ich, etwa an eine Insel des Seins umspült vom unendlichen Meer des Nichts. Was wir in dieses Meer werfen, wird in seinem Wasser aufgelöst, vernichtet. Es selbst aber hat auch eine unendliche Tätigkeit, vergleichbar den Wogen des Meeres. Es existiert, es ist, und wir sagen: ‚es nichtet.‘ In diesem Sinn würde auch das Ruhen als eine Tätigkeit bezeichnet.“

⁷ Я благодарен участникам семинара «Современные проблемы философии», обратившим моё внимание на это обстоятельство. Эта метафора крайне характерна для работ К. Г. Юнга. См., например, (Jung, 1990, 30).

⁸ „Wie aber kann man jemandem zeigen, dass dieses Gleichnis nun das richtige ist? Man kann es garnicht zeigen. Aber wenn es ihn von seiner Verwirrung erlöst, so haben wir ihm damit getan, was wir tun wollten. Es mag uns seltsam vorkommen, durch welche gleichsam trivialen Mittel wir von tiefen philosophischen Beunruhigungen befreit werden.“

Избавиться от глубокой философской обеспокоенности с помощью тривиальности — это, по сути, философский девиз. Это также и своего рода стратегия, которую Витгенштейн многократно применял. Он исходит здесь из привычной для него «терапевтической» концепции философии: философский вопрос — это паразитарная, навязчивая мысль, от которой нужно избавиться; как он изящно это формулирует: «это похоже на то, когда нам на язык попадает волос, мы чувствуем его, но не можем схватить и тем самым не можем от него избавиться» (Wittgenstein, 1995, 157). При этом не рассматривается вариант, при котором философ стремится привести читателя или слушателя в состояние интеллектуального беспокойства, стремится поставить вопрос так, чтобы от него стало «не по себе». Мне кажется, что в случае «ничто ничтожит» мы имеем дело со словосочетанием, которое и должно заставить нас почувствовать себя «не в своей тарелке», более того, понять, что нет никакой «своей тарелки».

Тем временем Витгенштейн, стремясь избавиться от глубинной философской обеспокоенности с помощью тривиальности, демонстрирует⁹, как

⁹ «Странно то, что ничего не нужно делать, как, например, в том случае, когда мы заменяем одно слово двумя другими, слово “есть” знаками “=” и “ε” для того, чтобы избавиться от мучающего вопроса в какой мере роза это то же самое, что красное. Но отсюда мы только видим, насколько глубоко лежит заблуждение, если оно воплощено в языке. Странно, что от глубокого и в определённом смысле загадочного вопроса, что значит “ $A = A$ ”, можно избавиться, введя такую систему записи, в которой это предложение нельзя записать. Можно спросить: как так получается, что мы таким образом успокаиваемся? Что мы теперь не отказываемся от старой системы записи, проясняя её неполноту? Мы же этого не делаем, а при этом чувствуем: слава Богу, что мы от этого освободились? <Вариант трёх последних фраз: Можно спросить: как так получается, что мы таким образом избавляемся от беспокойства? Другими словами, как возможно беспокойство, если предложение, которое его вызывает, можно выключить, создав новую систему записи? Отсюда не так уж далеко до вопроса: как теперь выразить ту же мысль в новой системе записи? Но мы так не спрашиваем, а сразу же чувствуем: слава Богу, что мы избавлены от этого вопроса!> Это так странно звучит: то, что нам в том предложении $A = A$ виделось глубоким, априорным, лежащим в основании всякого мышления, теперь мы узнаём вновь как то, что мы исключили из языка, введя новую систему знаков. [...] <Вариант: То, что создание новой системы знаков ведёт к успокоению, показывает только то, какого рода было это беспокойство. Философские проблемы возникают из-за того, что языку передают бразды правления, вместо того, чтобы применять его на практике. Ставший бесхозным язык производит словообразования, среди которых нам не по себе. Это выражается, например, в том, что мы всегда воспринимали предложение $A = A$ как нечто странное, глубоко загадочное. Если нам покажут, как обойти это предложение, если нам предложат систему записи, которая его исключает, то мы сразу готовы принять её и избавиться от закона тождества. Т.е. мы ищем грамматическую систему, которая исключает использование всех предложений такого рода, которые мы всегда уже хотели исключить, которые всегда уже казались нам подозрительными. То, что от них решают отказаться, проливает свет только на то, какую установку в отношении них занимали.>» („Es ist seltsam, dass man nichts tun muss als z.B. in einem Fall ein Wort durch zwei verschiedene zu ersetzen, das Wort ‚ist‘ durch die beiden Zeichen ‚=‘ und ‚ε‘, um die quälende Frage los zu werden, in wiefern doch die Rose dasselbe sei, wie rot. Aber daraus sehen wir nur, wie tief eine

можно разрешить философское затруднение, избавившись от эквивокации, например, глагола «быть», обозначив разными знаками равенство и эквивалентность, а затем замечает:

Глубокая проблема, так сказать, касалась как раз того, что нам было неуютно в старой форме выражения (и чувство «неуютности», когда оно относится к языку, является глубоким). (Wittgenstein & Waismann, 2003, 72)¹⁰

Глубокая философская обеспокоенность, глубокое чувство неуютности (*Ungemütlichkeit*) не так далеко отстоит от хайдеггеровского «не по себе (*Unheimlichkeit*)», разница только в степени: уютной (*gemütlich*) или неуютной может быть квартира или комната, но для этого по крайней мере должен быть дом (Heim). Витгенштейн «на ощупь» приближается к значимой для текстов Хайдеггера аффективной тональности, пытаясь раскрыть то беспокойство, которое вызывает у него случайно услышанный тезис «ничто ничтожит». Однако затем Витгенштейн возвращается к исходной стратегии, согласно которой важно понять не *что* Хайдеггер говорит, а *зачем* он это говорит:

Когда кто-то говорит: «ничто ничтожит», то, согласно нашему способу рассмотрения, ему можно сказать: хорошо, но что нам делать с этим предложением? То есть, что следует из него и откуда оно следует? Исходя из какого опыта мы

Verwirrung ist, wenn sie in der Sprache verkörpert ist. Es ist seltsam, dass man einen von der tiefen und in gewissem Sinn geheimnisvollen Frage, was der Satz ‚A = A‘ bedeutet, dadurch sollte erlösen können, dass man eine Notation einführt, in der sich dieser Satz nicht aufschreiben lässt. Wie kommt es, so könnte man fragen, dass wir uns dabei beruhigen? Dass wir jene Notation nun nicht ablehnen, indem wir sie als unvollständig erklären? Aber wir tun es nicht, sondern fühlen gleichsam: Gottseidank, dass wir davon befreit sind? <Variant on the previous three sentences: Wie kommt es, so könnte man fragen, dass dadurch die Beunruhigung fortfällt? M.a.W., wie kann es eine Beruhigung sein, das wir eine Notation schaffen, die diesen Satz ausschaltet? Die Frage liegt ja nahe: Wie drückt sich denn jetzt der Gedanke in dieser neuen Notation aus? Aber wir fragen nicht so, sondern fühlen gleichsam: Gott sei Dank, dass wir von dieser Frage erlöst sind!> So seltsam es klingt: Das, was uns an jenem Satz A = A tief, apriori, allem Denken zugrundeliegend erschien, erkennen wir wieder in seinem Ausschluss aus der Sprache durch das neue Zeichensystem). [...] <Variant: Dass die Schaffung eines neuen Zeichensystems die Beruhigung bewirkt, das zeigt nur, welcher Art die Beunruhigung war. Die philos<ophischen> Probleme entstehen dadurch, dass man der Sprache die Zügel überlässt, statt ihrer praktischen Verwendung. Die herrenlos gewordene Sprache erzeugt Wortbildungen, bei denen wir uns nicht recht wohl fühlen. Das äussert sich z.B. darin, dass wir den Satz A = A immer als etwas Seltsames, tief Geheimnisvolles empfunden haben. Wenn man uns einen Weg zeigt, ohne diesen Satz anzukommen, wenn man uns eine Notation anbietet, die ihn ausschliesst, so sind wir sofort bereit, sie zu akzeptieren und den Satz der Identität, diese angebliche Grundlage der ganzen Logik, preiszugeben. D.h. wir suchen nach einem grammatischen System, welches alle diejenigen Sätze von der Verwendung ausschliesst, die wir immer schon haben ausschliessen wollen, die uns immer schon einen verdächtigen Eindruck machten. Dass man sich dann entschliesst, sie fallen zu lassen, wirft nur ein Licht darauf, welche Einstellung man zu ihnen hatte>“ (Wittgenstein & Waismann, 2003, 70).

¹⁰ „Das tiefe Problem lag sozusagen gerade darin, dass wir uns in der alten Ausdrucksweise ungemütlich fühlten (und das Gefühl der Ungemütlichkeit, wenn es sich auf die Sprache bezieht, ist ein tiefes).“

можем его констатировать? Или вообще ни из какого? Какова его функция? Это предложение науки? И какое положение занимает оно в здании науки? Место краеугольного камня, на который опирается каменная кладка? Или, скажем, оно играет роль аргумента? Может оказаться, что я со всем согласен, только я должен это знать. Я ничего не имею против того, что ты прикрепляешь к машине языка крутящееся вхолостую колесо, но я хотел бы знать, вращается ли оно вхолостую или цепляет другие колёса, и если это так, то какие. (Wittgenstein & Waismann, 2003, 72)¹¹

Прокручивающееся вхолостую колесо, по-русски: пятое колесо в телеге — это более тактичный вариант суждения Карнапа: «это либо бессмыслица, либо плохая поэзия». Обратим внимание на то, что сообщение аффективной тональности — это тоже сообщение. Ближе всего Витгенштейн подходит к смыслу лекции Хайдеггера (которую он не читал), спрашивая: «Исходя из какого опыта мы можем констатировать “ничто ничтожит”? Или вообще ни из какого?» — описанию такого рода опыта и посвящена вся лекция. Хотя Карнап прав, говоря, что «ничто ничтожит» — это псевдо-предложение, не настоящее предложение; это скорее попытка подтолкнуть слушателя или читателя к определённого рода опыту, минуя аргументацию.

Как известно, в своей лекции Хайдеггер затрагивает метафизический вопрос «Почему существует нечто, а не ничто?» (Leibniz, 1982, 408) — при этом он не столько пытается на него ответить (в формате «Потому, что...»), сколько пытается раскрыть фундаментальный опыт, стоящий за этим вопросом. В том же 1929 году, когда Хайдеггер читает свою лекцию, Витгенштейн читает Лекцию об этике, в которой говорит об опыте «удивления существованию мира» — говорит об опыте, о котором, по его мнению, нельзя корректно говорить. В том же году на частном семинаре в гостях у Морица Шлика он замечает: «Логика зависит от того, что нечто существует. [...] То, что факты есть, нельзя описать никаким предложением» (цит. по: Waismann, 1967, 77). Вопрос «исходя из какого опыта мы можем констатировать “ничто ничтожит”?» — это, пожалуй, самый конструктивный из заданных вопросов, только Витгенштейн должен быть готов к тому, что об этом опыте нельзя будет

¹¹ „Wenn jemand sagt: ‚Das Nichts nichtet‘ so können wir ihm in der Art unserer Betrachtungsweise darauf sagen: Gut, was sollen wir mit diesem Satz anfangen? Das heisst, was folgt aus ihm und woraus folgt er? Aus welchen Erfahrungen können wir ihn feststellen? Oder aus gar keiner? Was ist seine Funktion? Ist er ein Satz der Wissenschaft? Und welche Stellung nimmt er im Haus der Wissenschaft ein? Die eines Grundsteines, auf welchem andere Bausteine liegen? Oder etwa die eines Arguments? Ich erkläre mich mit allem einverstanden, nur muss ich dies wissen. Ich habe nichts dagegen, dass du an der Maschine der Sprache ein leerlaufendes Rad anbringst, aber ich wünsche zu wissen, ob es leer läuft oder in welche andern Räder es eingreift.“

корректно говорить. При этом не стоит считать «ничто ничтожит» настоящим высказыванием (это явное псевдо-предложение), оно скорее сопровождает «фундаментальный» опыт, к которому тщетно пытается подвести Хайдеггер, чем выражает его, примерно так же, как вскрик или всхлип сопровождает опыт боли.

Интересно то, что здесь сам Витгенштейн вводит важный для Хайдеггера эпитет «фундаментальный» (см. «фундаментальный опыт», «фундаментальная онтология»), при этом слово «фундамент» кажется ему шатким и неопределённым, для него это двусмысленная метафора:

Теперь подумаем о том, как иногда в предисловии к книге о принципах механики физик преклоняется перед принципом причинности, говорит, что этот принцип представляет собой фундамент физики и его собственных рассуждений, а в тексте книги его ни разу не упоминает. Возникает вопрос: в каком смысле этот принцип представляет собой фундамент рассуждений физика? По крайней мере не в смысле предложений, из которых он в своих рассуждениях выводит следствия. И хотелось бы знать, идёт ли речь об одной из таких формул вежливости, которыми обмениваются перед началом деловых переговоров? [...] Мы хотели бы начать философию с чего-то, что должно стать основанием всего дальнейшего, всех наук, причём не просто «основанием» в смысле кирпичной кладки в нижнем ярусе дома. Мы производим похожее смешение, сходное с тем, которое могло возникнуть, если бы называли основанием постройки то нижний ряд кирпичной кладки, то прочность как основу постройки в целом. (Wittgenstein & Waismann, 2003, 72, 74)¹²

Формула вежливости, ничего не значащая формальность, ссылка на то, что потом не пригодится — мало того, что это «псевдо-предложение», это ещё и «псевдо-фундамент». Карнап сказал бы: «ничто ничтожит» претендует выразить фундаментальный опыт, но оно ведь не может выступать в роли настоящего фундамента, так как нет такого слова «ничтожит». Раньше такого слова действительно не было, а после 1929 года оно уже есть.

¹² „Hier denken wir daran, wie manchmal ein Physiker in der Vorrede zu einem Buch über die Prinzipien der Mechanik sich etwa vor dem Satz der Kausalität verbeugt, sagt, dass dieser Satz ein Fundament der Physik ist und seiner darauf im Text des Buches nicht mehr Erwähnung tut. Hier fragen wir: in welchem Sinn ist jener Satz ein Fundament der physikalischen Betrachtung? Jedenfalls nicht im Sinn eines derjenigen Sätze, aus welchen in diesen Betrachtungen Folgerungen gezogen werden. Und wir wollen wissen, handelt es sich hier um eine derjenigen Höflichkeitsformeln, wie sie vor Beginn einer geschäftlichen Unterhandlung ausgetauscht werden? [...] Wir möchten die Philosophie anfangen mit etwas, was die Grundlage alles Späteren, aller Wissenschaften sein soll, und dabei soll sie doch nicht ‚Grundlage‘ einfach im Sinn der untersten Ziegelreihe eines Hauses sein. Wir machen hier eine ähnliche Verwechslung, wie sie dadurch entstehen könnte, dass wir einmal jene unterste Ziegelreihe, ein anderes Mal Solidität als die Grundlage eines Baues bezeichnen.“

Ближе к концу рукописи Витгенштейна постепенно нарастает комизм происходящего; в тексте *О характере беспокойства* — философское беспокойство рассеивается благодаря юмору. Посмотрим со стороны на происходящее; что вызывает комический эффект? На наших глазах пытаются понять философский текст по одной вырванной из контекста фразе (Как если бы мы открыли наугад Гегеля или Бодрийяра). И вот Витгенштейн решает зайти с неожиданной стороны и применить «пищеварительную» метафору:

Я бы хотел использовать следующее сравнение, чтобы прояснить смысл этого рассмотрения: некто привык мало есть, руководствуясь своим чувством голода, и из всех расстройств желудка ему лучше всего знакомо расстройство чувства голода и родственные ему побуждения, так вот он чувствует расстройство желудка, сопровождающееся желанием есть, и даже оказывается, что расстройство в порядке исключения вызвано тем, что он съел слишком много. Так мы привыкли унимать беспокойства ума, возводя определённые предложения к более фундаментальным. Но если теперь наше беспокойство связано с неясностью грамматических отношений в некоей области языка, то, с одной стороны, по старой привычке мы пытаемся использовать непригодное для этого случая лекарство возведения к более фундаментальным предложениям, с другой стороны, мы вполне чувствуем, что здесь у нас и не может быть нужды ни в каком доморощенном фундаменте. (Wittgenstein & Waismann, 2003, 74)¹³

Встреча с непривычной формой философии представляется в комическом свете: мы привыкли к одному виду расстройства желудка, а с нами случилось другое. Поэтому привычное лекарство (тривиализация мнимой философской глубины) усугубляет ситуацию, а не помогает. «Ничто ничтожит» — это урчание в животе, причём это урчание в животе нового типа, непривычное для нас урчание в животе.

Двойственность [понятия «фундамент»] вызывает необходимость начинать философию с неартикулированного звука. Предложение вроде «ничто ничтожит» в определённом смысле заменяет такого рода неартикулированный звук. Предложение «зная о своем знании, я что-то осознаю» — это тоже такого рода неартикулированный звук. <Вариант на полях: Предложения, с помощью

¹³ „Ich möchte folgendes Gleichnis gebrauchen, um den Sinn dieser Betrachtung klar zu machen: Wer gewohnt ist, weniger zu essen, als seinem Hunger entspricht, der ist von allen Verstimmungen des Magens am besten mit derjenigen des Hungers vertraut und seine nächstliegende Regung, wenn er eine Verstimmung des Magens spürt, ist die, essen zu wollen, und zwar auch dann, wenn die Verstimmung einmal ausnahmsweise daher rührt, dass er schon zu viel gegessen hat. So sind wir gewohnt, Beunruhigungen des Geistes zu stillen, indem wir gewisse Sätze auf fundamentalere zurückzuführen. Rührt unsere Beunruhigung nun aber von einer Unklarheit über die grammatischen Verhältnisse in einem Sprachgebiet her, so sind wir einerseits aus alter Gewohnheit versucht, das hier nicht angebrachte Heilmittel der Zurückführung auf fundamentalere Sätze anzuwenden, andererseits fühlen wir wohl, dass wir ein Fundament im hausbackenen Sinn hier nicht brauchen können.“

которых некоторые феноменологи хотят указать на исходное начало всех рассуждений, тоже представляю собой такие неартикулированные звуки.> (Wittgenstein & Waismann, 2003, 74)¹⁴

Что останется, если мы разложим слова нашего философского собеседника на неартикулированные звуки? Посыл, интонация, мотив его «высказывания». Получается странный вид философского диалога, при котором наш собеседник только мычит, но мы достаточно щедры, чтобы не списывать его со счетов. «Беседа» двух таких мычащих философов явно будет построена не по принципу обмена аргументами, а скорее по принципу резонанса.

Что происходит, когда мы воспринимаем слова собеседника как «нечленораздельные звуки»? Как медь звенящую или кимвал звучащий. Как монгольское горловое пение. Нам говорят «объективная реальность дана человеку в ощущениях (копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них)» (Lenin, 1961, 131), а мы слышим только хруст и скрежет, мы слышим только жужжание и шипение, только визг и клацание. Мычание, рычание, в животе урчание.

К концу текста щедрость Витгенштейна, желание отдать должное тезису «ничто ничтожит» ожидаемо иссякает. Его последняя гипотеза: это только виньетка, словесные кружева, бесполезное украшательство. Здесь Витгенштейн, вероятнее всего, опирается на знаменитый доклад архитектора-конструктивиста Адольфа Лооса под названием *Орнамент и преступление* (1908), изданный в Австрии 1929 году (Loos, 2018, 1962). Его основной тезис: ар-нуво — это варварство; украшательство в архитектуре также отвратительно и неуместно как татуировка на теле европейца, подражающего дикарю. Критикуя архитектурные излишества, Витгенштейн привлекает и свой опыт строительства особняка на Кундманнгассе, окончательно возведённого в том же 1929 году:

Необходимость предварять наше собственное рассмотрение такого рода предложениями или словесными виньетками — это в некотором смысле требование

¹⁴ „Und aus diesem Zwiespalt entsteht ein Bedürfnis, die Philosophie gleichsam mit einem unartikulierten Laut anzufangen. Und ein Satz wie ‚Das Nichts nichtet‘ ist in gewissem Sinn der Ersatz eines solchen unartikulierten Lautes. Der Satz ‚ich habe um mein Wissen wissend bewusst etwas‘ ist auch ein solcher unartikulierter Laut. <Variant: Die Sätze, mit welchen manche Phenomenologen auf das Gewisseste, auf den Uranfang aller Betrachtungen hindeuten wollten, sind auch solche unartikulierte Laute.>“ Витгенштейн цитирует здесь формулировку Ханса Дриша „Ich habe, um mein Wissen wissend, bewußt Etwas“ (Driesch, 1921, 52). В контексте витгенштейновской философии времён *Трактата* небезынтересно: согласно Дришу эта констатация указывает на „Ursachverhalt.“

стиля. В определённые периоды принято завершать крыши домов карнизами. Этим хочется подчеркнуть завершение. Всякого рода столбы венчаются навершиями даже там, где это не вызвано требованиями целесообразности. Столб не может просто заканчиваться. В иных случаях требуется не подчеркнуть завершение, а искусственно его скрыть. Предмет должен переходить в своё окружение. Так края скатерти покрывали кружевами, которые исходно были просто выстрижены, так как не хотели, чтобы скатерть заканчивалась ровной линией. А в другие эпохи края окрашивали в специальный цвет, чтобы их подчеркнуть. Ровно так обстоит дело с этим аргументом. Например, когда хотят возвести возникновение мира к творцу, то это ничего не объясняет, а только подчёркивает начало мира. (Это последнее рассуждение из разряда рассуждений архитектора Лооса и определённо находится под его влиянием.) (Wittgenstein & Waismann, 2003, 76)¹⁵

Интересно, что в лекции Хайдеггера всё «оседает», «проседает», «уходит из-под ног», «рушится», на месте «фундамента» (*Grund*) оказывается «провал» (*Abgrund*), то есть здание метафизики — это аварийное здание, которое не мы строили, но которое нам приходится перестраивать. Это совсем не та архитектурная метафора, которой хочет оперировать Витгенштейн — метафора нового, практического особняка в конструктивистском стиле. И тем не менее в предпоследней фразе Витгенштейн действительно «отдаёт должное» тезису «ничто ничтожит», говоря, что он ничего не объясняет, но только подчёркивает нечто. Из текста Хайдеггера мы можем знать, что этот тезис на самом деле призван оттенять такие темы, как вопрос о бытии или фактичность *Dasein*. Итак, Витгенштейну удастся списать тезис Хайдеггера со счетов как бесполезный резной карниз или горгулью и одновременно «отдать ему должное» как подчеркивающему или оттеняющему нечто более важное.

Подытожу: Витгенштейн перебирает варианты того, как следует понимать «ничто ничтожит», причем даже не столько, *что этим хотел сказать Хайдеггер, а почему он хотел это сказать*. Что может заставить философа

¹⁵ „Das Bedürfnis, solche Sätze oder Floskeln vor unsere eigenen Betrachtungen zu stellen ist in einem Sinn auch ein Bedürfnis des Stils. In gewissen Perioden schliesst man Häuser und Kästen mit einem Gesims ab. Man wünscht eine Betonung des Abschlusses. Man schliesst Stangen aller Art mit Knöpfen ab, auch dort, wo dies nicht ein Erfordernis der Zweckmässigkeit ist. Die Stange soll nicht einfach aufhören. Ein anderes Mal ist es ein Bedürfnis, den Abschluss nicht zu betonen, sondern künstlich zu verschleiern. Der Gegenstand soll in seine Umgebung übergehen. So brachte man am Rand eines Tischtuchs Spitzen an, die ursprünglich bloss eine Auszackung des Tuches waren, da man einen scharfen Abschluss nicht wünscht. Zu anderen Zeiten aber gibt man dem Rand eine eigene Färbung, um ihn zu betonen. Genau so verhält es sich nun mit diesem Argument. Man wünscht z.B. die Entstehung der Welt auf einen Schöpfer zurückzuführen, obwohl dies in gewissem Sinn nichts erklärt und nur den Anfang betont. (Diese letzte Betrachtung ist von der Art derjenigen des Architekten Loos und gewiss von ihm beeinflusst).“

высказать тавтологию? Симптомом чего выступает это странное словосочетание? Что оно замещает, вытесняет? Что у него болит, если у него такое странное речевое поведение?

Первая гипотеза Витгенштейна состоит в том, что автор высказывания «ничто ничтожит» хочет избавиться от *философского беспокойства*. Это собственный мотив Витгенштейна — смутное интеллектуальное беспокойство, «ментальная судорога», «волос на языке» от которого необходимо избавиться. «Ничто ничтожит» выступает симптомом философского беспокойства, оно замещает развернутый метафизический рассказ, в котором ничто отводится фундаментальная роль. Витгенштейн пытается реконструировать этот возможный рассказ, используя юнгианскую метафору бескрайнего моря бессознательного и островка сознания. При этом он угадывает хайдеггеровский тезис «*Dasein* выдвинуто в ничто» (ради которого и создается глагол-чудовище «ничтожить»), не читав его.

Затем Витгенштейн (вполне в духе Карнапа) размышляет о том, что от словосочетания «ничто ничтожит», можно избавиться, введя такую систему записи, в которой это предложение нельзя записать. Но выключить (*ausschalten*) предложение, которое выражает смутное интеллектуальное беспокойство, — значит ли это выключить само беспокойство? У Хайдеггера «ничто ничтожит» — это уже метавысказывание о метафизике, это попытка выразить то смутное беспокойство, которое предположительно стоит за метафизическим вопросом «почему есть нечто, а не ничто?» Уйдёт ли экзистенциально-онтологическое беспокойство, если мы просто применим такую систему записи, в которой его выражение невозможно? Витгенштейн считает, что беспокойство уйдёт вместе с несчастливым выражением и пытается лечить «больной» глагол «ничтожить», поочерёдно прикладывая к нему метафоры разного рода: ландшафтно-морскую, механическую, архитектурную, декоративную, дидактическую, наконец пищеварительную. Как ни странно, именно отсюда (от метафоры боли в желудке) Витгенштейн делает шаг к меткому замечанию о том, что «слова феноменологов представляют собой неартикулированные звуки». Как и Карнап, Витгенштейн понимает, что хайдеггеровское «ничто ничтожит» — это не столько речь, сколько мычание, но, в отличие от Карнапа, он не считает возможным смеяться над тем, кто мычит от боли.

Рукопись *О характере беспокойства* встраивается в более широкий контекст размышлений Витгенштейна (1929-1932) о невозможности феноменологического языка, а затем и знаменитой темы невозможности индивидуального

языка. Но совершенно не очевидно (для Витгенштейна это совершенно ясно, но насколько это ясно для нас?), что феноменологический язык может быть только индивидуальным (то есть в коммуникативном плане абсурдно-бесполезным) языком. Он вполне может использовать слова общего (философского, повседневного, художественного языка) и постепенно модифицировать их смысл в оговоренном определённом направлении. Язык феноменолога Хайдеггера, который на первый взгляд кажется набором неартикулированных звуков, оказывается для Витгенштейна не таким уж непонятным. Он утверждает, что может помыслить, что имел в виду Хайдеггер под бытием и ужасом, понимает, что смысл косноязычного неологизма в том, чтобы отделить вопрос о бытии; более того, опираясь на одно словосочетание «ничто ничтожит», он угадывает смысл следующего предложение «*Dasein* выдвинуто в ничто», которое уже больше похоже на тезис или даже аргумент.

Эта статья посвящена, казалось бы, невстрече двух наиболее харизматичных философов XX века. Как вы знаете, эти два современника-антипода не читали друг друга, и дальше угадывания смысла случайно услышанной фразы дело не пойдёт. Иногда разговоры между людьми действительно не заходят дальше угадывания смысла случайно услышанных фраз, но это ещё удачные примеры разговоров; чаще не доходит и до этого.

REFERENCES

- Baker, G. P. (2004). Wittgenstein's Method and Psychoanalysis. In G. P. Baker, *Wittgenstein's Method: Neglected Aspects* (205-222). Oxford: Blackwell.
- Bibikhin, V. V. (2003). Vitgenshtejn i Khajdegger. Odin epizod [Wittgenstein and Heidegger. One Episode]. *Istoriko-filosofskij ezhegodnik*, 315-332. (in Russian).
- Carnap, R. (1930-1931). Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. *Erkenntnis*, 1, 219-241.
- Driesch, H. (1921). Mein System und sein Werdegang. In R. Schmidt (Ed.), *Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen: Paul Barth, Erich Becher, Hans Driesch, Karl Joël, Alexius Meinong, Paul Natorp, Johannes Rehmke, Johannes Volkelt*, Bd.1. Leipzig: F. Meiner.
- Heidegger, M. (2007). *Was ist Metaphysik?* Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
- Inwood, M. (1999). Does the Nothing Noth? *Royal Institute of Philosophy Supplement*, 44, 271-290.
- Jung, C. G. (1990). Die Bedeutung der Psychologie für die Gegenwart (1932). In *Taschenbuchausgabe in elf Bänden. Wirklichkeit der Seele* (27-48). München.
- Karnap, R. (1993). Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka [The Elimination of Metaphysics Through Logical Analysis of Language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 6, 11-26. (in Russian).
- Leibniz, G. V. (1982). Nachala prirody i blagodati, osnovannye na razume [Principles of Nature and Grace Based on Reason]. In *Sochineniya v chetyrekh tomakh, T.1* [Collected Works in 4 Volumes, Vol.1] (404-412). Moscow: Mysl'. (in Russian).

- Lenin, V. I. (1961). Materializm i empiriokriticizm [Materialism and Empirio-criticism]. In *Polnoe sobranije sochinenij, T. 18*. [Collected Works, Vol. 18] Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (in Russian).
- Loos, A. (1962). Ornament und Verbrechen. In A. Loos, *Sämtliche Schriften in zwei Bänden, Erster Band* (276-288). Wien, München: Herold.
- Loos, A. (2018). *Ornament i prestuplenie* [Ornament and Crime]. Moscow: Strelka Press. (in Russian).
- Luchte, J. (2007). Martin Heidegger and Rudolf Carnap: Radical Phenomenology, Logical Positivism and the Roots of the Continental/Analytic Divide. *Philosophy Today*, 51 (3), 241-260.
- Luchte, J. (2009). Under the Aspect of Time ("sub specie temporis"): Heidegger, Wittgenstein and the Place of the Nothing. *Philosophy Today*, 53 (1), 70-84.
- Richter, D. (2007). Did Wittgenstein Disagree with Heidegger? *Review of Contemporary Philosophy*, 6, 158-185.
- Rudnev, V. P. (2018). *Chto ty khochesh' etim skazat'?* [What Do You Mean by That?]. M., SPb: Dobrosvet/Centr gumanitarnykh iniciativ. (in Russian).
- Sekaczkiy, A. K. (2005). *Sila vzryvnoj volny. Stat'i, esse* [The Power of the Blast Wave. Articles, Essays]. SPb: Limbus-Press. (in Russian).
- Tatievskaya, E. (2009). *Wittgenstein über das Verstehen*. Berlin:de Gruyter.
- Vajsmann, F. (1998). Lyudvig Vitgenshtejn i venskij kruzhok [Ludwig Wittgenstein and the Vienna Circle]. In A. F. Gryaznov (Ed.), *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie* (44-68). M.: Dom intellectual'noj knigi, Progress-Tradiciya. (in Russian).
- Waismann, F. (1967). *Wittgenstein und der Wiener Kreis*. Berlin: Suhrkamp.
- Wittgenstein, L. (1995). *Wiener Ausgabe, Band 3: Bemerkungen. Philosophische Bemerkungen*. Springer: Wien.
- Wittgenstein, L. (2001). *Wittgenstein's Lectures, Cambridge (1932-1935): From the Notes of Alice Ambrose and Margaret Macdonald*. NY: Prometheus Books.
- Wittgenstein, L., & Waismann, F. (2003). *The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle*. London & NY: Routledge.